

НОВЫЕ КНИГИ

Д.А. Крылов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАТРАВКИ

Рецензия на книгу:

Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Экономические записки. М.: РОССПЭН, 2008

КРЫЛОВ Дмитрий Александрович – студент 1-го курса магистратуры факультета социологии ГУ–ВШЭ.

Email: dkrylov@hse.ru

Вместе с выходом сентябрьского номера журнала «Экономическая социология» на прилавках книжных магазинов появится работа двух экономистов, не нуждающихся в представлении. Речь идет о Егоре Гайдаре и Анатолии Чубайсе, которые выпустили в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) совместный труд под названием «Экономические записки». Жанр книги, как заметил на ее презентации научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин, напоминает записки компетентных специалистов в оторванный от жизни страны руководящий орган КПСС. По сути, это публичный доклад Гайдара и Чубайса о рисках (и способах их минимизации), которые неизбежно возникнут перед отечественной экономикой в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Авторы сконцентрировали свое внимание на двух проблемах: состоянии государственных финансов и реформе РАО «ЕЭС России».

Для экономсоциологов книга представляет интерес по ряду причин. Во-первых, Гайдар как руководитель Института экономики переходного периода (ИЭПП), авторитетнейшего think tank в России, делает прогноз развития российской экономики, в контекст которого могут быть помещены набирающие все большую популярность работы по финансовому поведению граждан. Учитывая надвигающиеся проблемы с пенсионным обеспечением, налогообложением и крепнувшим мировым экономическим кризисом, о которых говорят авторы книги, экономсоциолог может найти в «Экономических записках» богатый материал для формулирования исследовательских вопросов.

Во-вторых, сами описываемые в книге процессы представляют исследовательский интерес для экономсоциологов. Это темы сочетания государства и рынка, строительства рынков, функционирование фондовых бирж. Гайдар и Чубайс говорят о них лишь вскользь. Однако пытливый исследователь способен найти в них не только иллюстративный материал для уже известных объяснительных схем, но и темы для серьезных изучений.

В-третьих, проблемы, о которых говорят экономисты, отличаются не просто актуальностью, но сверхактуальностью, потому как затрагивают интересы многих групп населения и формируют повестку будущих дискуссий среди ученых, экспертов, политиков и журналистов. Естественно, что для любого экономсоциолога, инициирующего исследование, не существует не актуальных тем (ведь столько предстоит опровергнуть и доказать этим экономистам!) И довольно сложно сегодня спорить социологам с экономистами, тем более дискутировать о макроэкономических проблемах (потому что большие батальоны, как известно, всегда правы). Однако экономсоциологи могут внести вклад в понимание того, что же происходит и будет (sic!) происходить «на самом деле» в России в связи с грядущими проблемами.

В-четвертых, хорошо и интересно написанный интеллектуальный труд уважаемых экономистов представляет самостоятельную ценность и дает представление о стандартах для будущих творений. Наша задача состояла в том, чтобы познакомить читателя с наиболее важными мыслями и выводами авторов и показать, как они могут быть использованы в работах исследователей, сочувствующих новой экономической социологии.

Материал для исследовательских гипотез

Макроэкономическое самочувствие России прекрасно. Об этом нам говорят не только из телевизора, но и авторы «Экономических записок». Золотовалютные хранилища как никогда полны (третье место в мире по запасам после Китая и Японии), внешний госдолг минимален, профицит бюджета на протяжении последних семи лет является положительным, цена на нефть (которую никто не способен надежно прогнозировать) в области исторических максимумов (по крайней мере, была в момент написания данного труда), реальные доходы населения растут на 10% в год. В такой ситуации нужно сильно постараться, чтобы не стать популярным среди широких масс населения, пишут Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. Поэтому консервативная бюджетная политика год из года становится менее строгой: государство направо и налево раздает финансовые и социальные обязательства гражданам («материнский капитал», инвестиционные программы в образовании, медицине, сельском хозяйстве и в сфере жилья), инициирует крупные инвестиционные проекты, вливает огромные средства в государственные корпорации и т.д.

Однако просчитывал ли кто-либо в правительстве среднесрочное и долгосрочное влияние этих программ на бюджет страны, принимая во внимание, что зависимость госфинансов от настроений на Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) нисколько не уменьшилась¹? Авторы уверены, что никто или почти никто. Чем это может аукнуться политической элите и гражданам, Гайдар изложил в феноменально популярной книге «Гибель империи» [Гайдар 2006]. Поэтому «снижение доходов от добычи углеводородного сырья в ВВП и повышение социальной нагрузки на экономику определяет контуры финансовых проблем, которые встанут перед страной в ближайшие десятилетия» (стр. 19).

Для исследователей тематики финансового поведения россиян найдется свой ресурс в докладе экономистов. Несмотря на то, что горизонт планирования доходов и расходов наших граждан измеряется несколькими месяцами, вопрос о пенсионном обеспечении может стать полезным источником для формулирования гипотез. Но в начале – факты.

В 2005 г. средняя пенсия россиянина от его средней зарплаты (коэффициент замещения) составляла 26,7%. Если не предпринимать никаких мер, то к 2020 г. она опустится до ничтожных 16,4%, предупреждают эксперты. Более того, при переходе от распределительной к накопительной пенсионной системе сегодняшние работники (т.е. мы)

---

¹ Экспорт России на 80% состоит из нефти, нефтепродуктов, газа и металлов.

вынуждены платить нынешним пенсионерам (нашим родителям) и накапливать средства для обеспечения собственной старости. Вопрос о том, почему пенсионное обеспечение так мало интересует россиян и почему молодое поколение не рассчитывает на нее, более или менее ясен. Но это накладывает специфику на сберегательное поведение будущих пенсионеров.

Не менее интересный и полезный для исследователя сюжет с пенсиями заключается в огромном дефиците Пенсионного фонда. Егор Гайдар не только на страницах данной книги, но и на других площадках доказывает, что дефицит может (и должен) быть покрыт за счет двух источников: нефтегазовых доходов (т.е. через преобразование недавно разделенного Стабфонда в Пенсионный фонд будущих пенсионеров) и приватизации крупнейших госкомпаний («Газпром», «Сбербанк», «Роснефть» и т.д.). Фактически это приведет к замене модели пополнения Пенсионного фонда на ту, которая принята во многих развитых странах. Обе идеи сегодня выглядят утопичными. Но частота, с которой Гайдар повторяет их, свидетельствует о том, что у государства ничтожно мало альтернативных способов решения этой проблемы.

Однако если предположить, что государство не покрое дефицит, то каким образом сберегательное поведение россиян претерпит (и претерпит ли?) изменения? А если все-таки будет приняты аргументы руководителя ИЭПП? Информированность наших граждан о пенсионной реформе минимальна, но им на смену идут следующие работники, которые понимают значение слов «фондовый рынок», «доходность», «пиф». Экономсоциологи редко берутся предсказывать что-либо – может быть, потому, что мало пробовали делать это?

Вместе с тем правительство, реализуя в нынешнем виде пенсионную реформу, поставило эксперимент над своими гражданами, который также может быть изучен с пользой для социологов. Речь идет о том, что мужчины и женщины определенных возрастов в законодательном порядке лишены права на накопительную часть пенсии. Возникает вопрос: насколько их стратегии финансового поведения отличны от стратегий тех, кто не лишен такого права? Можно ли экстраполировать данные, которые будут получены в ходе изучения этой проблематики, на сценарии, о которых шла речь выше? Вопросы ждут правильного формулирования и поиска ответов.

Перейдем к формулированию исследовательских направлений, пищу для которых дает книга.

Темы для изучений

Российский бюджет зависит от нефтегазовых поступлений. К примеру, экспортные пошлины на энергоносители принесли в бюджет 7% ВВП в прошлом году. При этом с течением времени мировой нефтяной рынок все больше теряет черты товарного рынка, основанного на контрактах поставки нефти, и приобретает вид финансового рынка, «где почти никто и никому нефть не поставляет, где торгуют инструментами, определяющими обязательства сторон, связанные с прогнозами динамики цен на сырье» (стр. 13). Подобное качественное изменение рынка очень важно для понимания законов его функционирования и прогнозирования, подчеркивают авторы книги. Почему? Потому что мировой рынок нефти стал подвержен влиянию спекулятивной торговле производными финансовыми инструментами.

Однако однозначно ответить на вопрос, как спекулянты влияют на нефтяные цены – снижают или повышают их волатильность, – экономисты затрудняются. Например, Милтон Фридман считает, что спекулянты рациональны и успокаивают рынок. Его оппонентом выступает Чарльз Кайндлбергер [Charles Kindleberger], который доказывает, что спекулянты иррациональны и только раскачивают лодку. «Ответ на вопрос о том, как на самом деле ведут себя участники рынка, экономическая наука дать пока не способна», – признаются

Гайдар и Чубайс (стр. 15). Способны ли экономсоциологи дать ответ? Вполне [Аболафия 2003; Кнорр-Цетина, Брюгер 2004]. В этом случае требуется изучение не абстрактного фондового рынка, а конкретной площадки и конкретных операций с нефтяными фьючерсами. Раскрыть эту тему российскому исследователю вполне под силу.

Не менее интересная в связи с этим тематика образования «мыльных пузырей» на финансовых рынках мира (в том числе, и на рынках углеводородов). Для них, утверждает Гайдар, важно то, на какую новость реагируют его игроки (тем самым он негласно встает на позиции Кайндлбергера): «Спекулянты ориентируются на набор сигналов, которые не имеют принципиального значения для долгосрочных перспектив развития отрасли... Для тех, кто играет на рынке, важно понимать, на что будут ориентироваться коллеги по работе, с которыми они знакомы, например: за какую команду в американском футболе они болеют, каким будет их настроение после победы в очередном матче. Если не уделять внимание таким мелочам, спекулятивной игрой на финансовых рынках лучше не заниматься» (стр. 98). Как подобная проблема может решаться в терминах теории игр, например, показано в работе А. Диксита и Б. Нейлбафа [Dixit, Nalebuff 1993].

Не менее удивительно и такое заявление авторов книги: «Фактор, способствовавший росту цен на нефть в эти годы до аномально высокого по историческим меркам уровня [имеются в виду 1973–1974, 1979–1980, 2003–2005 гг. – Д.К.], – убежденность участников рынка в том, что свободных мощностей нет» (стр. 11). Попади эти утверждения на благодатную исследовательскую почву, можно будет продвинуться в изучении механизма функционирования фондового рынка.

Следующая тема для исследования – налоговая реформа, решение о реализации которой было отодвинуто на 2009 год. Авторы «Экономических записок» предупреждают политиков о непредсказуемых последствиях снижения налога на добавленную стоимость (НДС) с нынешних 18 до 12–13%. Их аргументы следующие: да, в 2003–2004 гг. в России прошла успешная налоговая реформа (НДС понизили с 20 до 18%, единый социальный налог (ЕСН) с 35,6 до 26%); да, налоговые поступления в бюджет выросли. Однако прямой зависимости между уровнем налогообложения и мотивацией рыночных агентов платить налоги нет. Поэтому снижение НДС до 12% может «просверлить» еще одну дырку в бюджете (оценочные потери – до 2% ВВП), и эта ошибка может усугубиться тем, что доходы государства станут менее предсказуемыми (поскольку нефтяные поступления и так не посчитываемы, а реформаторы предлагают снижение независимого от трубы дохода).

Почему зависимости между ставкой налога и стимула к исполнению обязательства в России нет? «Налоговая система – это не только тексты налоговых законов, но и сложившаяся практика отношения к налогам властей и населения» (стр. 79). В нашем государстве специфическая культура налогообложения, основы которой были заложены во время татарско-монгольского ига, утверждают эксперты. Поэтому чем проще эта система, чем более она унифицирована, тем лучше (в таком виде она оставляет меньше возможностей для коррупции), в отличие от Европы, отличающейся «извращенностью» налогового законодательства и обилием льгот. «Какими могут быть временные лаги между снижением ставки и ростом собираемости, экономисты определять пока не научились», – заключают Чубайс и Гайдар.

Эти рассуждения наталкивают на две мысли. Первая: могут ли экономсоциологи, используя доступные методы и техники исследования, определить этот временной лаг? Принимая во внимание уровень изучения неформальной экономики и степень понимания ряда проблем, этот ответ скорее положительный.

Вторая: описывая и объясняя поведение рыночных акторов, мы редко уделяем внимание проблеме государства, его практикам поведения, его отношению к правилам игры. Вместе с тем довольно ясно, что это – две стороны одной медали. Поэтому призыв американских

коллег «верните государство обратно в исследовательское поле!», прозвучавший в 1985 г., в российских реалиях звучит не менее громко и актуально [Reuschemeyer, Evans 1985]. Участие государства в конфликте ТНК-ВР или заявления первых лиц правительства о судьбах некоторых компаний может служить прекрасным иллюстративным и аналитическим материалом для подобной темы.

От кризисов, которые способно породить государство прямым или опосредованным образом, перейдем к таким, какие создаются самими участниками экономических процессов.

Конструирование кризисов

Ожидание положительных и отрицательных изменений функционирования национальных экономик участниками хозяйственных процессов само по себе является не тривиальной темой для изучения. К примеру, экономсоциологи стали обращаться к проблематике социального конструирования такого события, как решение Федеральной резервной системы США (ФРС) об изменении резервной учетной ставки [Аболафия 2007]. Ставка определяет не только «стоимость» кредитов, но и является сигналом, который по-особому расшифровывается игроками фондовых бирж, аналитиками и экономистами. Поэтому ее влияние сложно недооценить. Однако как формируются ожидания, каков механизм их подтверждения или опровержения, как конструируется понятие инвестиционного риска и смежные с этим вопросы остаются мало изученными.

Занимательный факт, касающийся кризисной тематики, авторы упоминают в разговоре об индексе журнала «The Economist», отражающего частоту упоминания слова «рецессия» в двух влиятельных газетах «The New York Times» и «The Washington Post». Журнал трижды смог предугадать рецессию в США, которая становится официально признаваемой после выхода статистической информации (как пишут авторы, этот показатель как никогда высок в наши дни). Индекс журнала «The Economist» может быть отправной точкой в изучении процесса конструирования рецессии в рамках того же подхода STS [Science & Technology Studies], который использовал Митчел Аболафия.

В заключительной части, посвященной российским финансам, экономисты делают прогноз о негативном влиянии развивающегося финансового кризиса и замедлении темпов роста экономик США и Европы. Чтобы минимизировать потери России от изменения мировой ситуации, придется замедлить темпы роста ВВП до 3%, считают эксперты. «Для российского общества, при коротком опыте жизни в условиях рыночной экономики, снижение темпов роста, похожее на то, которое произошло в 2001–2002 гг., может оказаться серьезной травмой» (стр. 73). Могут ли экономсоциологи предсказать их появление – вопрос, заслуживающий внимательного рассмотрения.

К вопросу о строительстве рынков

Несомненным плюсом «Экономических записок» является краткое и информативное изложение сути реформы РАО «ЕЭС Россия», которое передано на этих страницах. В 1998 г. правительство приняло решение о реформе холдинга и всей энергетической системы, которую РАО «ЕЭС Россия» олицетворяло². Среди европейских стран Россия была последним государством, которое решилось на преобразование отрасли. Реализовать программу реформы руководители планировали к 2003 г., но она растянулась до 2008 г.

---

² 70% выработки электроэнергии и треть тепла в стране генерировалось РАО «ЕЭС России».

Программа изменения энергетического холдинга включала три блока: антикризисное управление, непосредственно реформу и инвестиционное развитие отрасли. Ее суть в следующем: энергообеспечение включает естественно-монопольный блок работы электроэнергетики (диспетчеризация и передача электроэнергии) и потенциально конкурентный сектор (производство и сбыт энергии). Задача Чубайса состояла в том, чтобы «разобрать» РАО, выделив предприятия первого типа (за которыми закреплялся бы госконтроль) и второго типа (которые функционировали бы на рыночной основе). Такая деконструкция должна завершиться к 2011 г. (инвестиционная программа – к 2030 г.).

«Сердцевина новой системы рынков в электроэнергетике – конкурентный оптовый рынок электроэнергии», – пишут реформаторы (стр. 112). Поставщик и покупатель в таком случае имеют возможность выставить заявку на электромощности на каждый час следующего дня, используя специальную торговую площадку³, радовался на презентации Анатолий Чубайс. Теперь цену на электроэнергию будут определять спрос, предложение и техническое ограничение энергосистемы. Преобразование отрасли стало причиной появления новых форм бизнеса: ЕРС/ЕРСМ-контракторов⁴.

В качестве одного из уроков реформы Чубайс выделил сложность строительства рынка электроэнергии: «Можно по аналогии с авиастроением и ракетостроением предложить термин “рынокостроительство” (понимая определенную его лингвистическую ущербность)», – как-то смущаясь очевидных экономсоциологических терминов отметил экс-председатель правления РАО «ЕЭС России» (стр. 128). К тому же «при строительстве рынка необходим учет технологических особенностей отрасли» (стр. 129). Особенностью этой реформы стало то, что она была инициирована не потребителем и даже не государством или частными акционерами, а менеджментом естественной монополии.

В книге также представлены реальные и мнимые риски сворачивания реформы. Наиболее важная из них – нехватка газа для генерации электроэнергии. Удивительно, но Россия, крупнейший поставщик углеводородов, столкнется с данной проблемой в ближайшем будущем, полагают эксперты. Их выводы подтверждаются исследованием финансовой отчетности монополиста газовой отрасли «Газпром» [Немцов, Милов 2008].

Остроту проблемы и катастрофические последствия развития негативного сценария событий авторы акцентировали в ее названии: «Русский поток» (по аналогии с «Северным», «Южным», «Голубым» и другими названиями трубопроводов, которые газовый монополист протянул или все еще протягивает в различные части Европы и Азии). Итог их рассуждений таков: Россия уже сегодня нуждается в газе, и если не переориентировать потоки этого продукта и не уделить внимание инфраструктуре газовой отрасли, то нашу экономику ждут серьезные потрясения.

Для экономсоциолога сюжет с реформированием энергохолдинга может быть интересен не только потому, что в вопросах «рынокостроительства» специалистам есть чему поучить экономистов. Насыщенные институциональные преобразования, сопровождающие реформу в течение последних десяти лет, могут стать объектом исследования социологов. Какую роль государство должно играть при реформировании экономики, а какую не должно, как создаются институты и как они поддерживаются, какие риски могут быть минимизированы в результате преобразований, а какие остаются за пределами возможностей – самый скромный перечень вопросов, которые могут быть освещены в ходе экономсоциологических исследований на примере преобразования РАО «ЕЭС России». Благо, литературы и

---

³ ОАО «Администратор торговой системы».

⁴ От англ. Engineering, Procurement, Construction, Management – компании, строящие «под ключ».

участников процесса предостаточно, а данная книга – приглашение к размышлению над исследовательскими вопросами и задачами.

Глобальный уровень исследований

Заключительная и самая короткая глава книги посвящена мировым финансовым институтам. Что с ними не так? Они нуждаются в реформе. Самые важные изменения должны пройти в Международном валютном фонде, который перестал играть ту роль и выполнять функции, которые были возложены на него. «Мы требуем перемен!», – доказывает на последних страницах бывший премьер-министр.

Подобного рода вопросы исконно относились к вотчине экономистов. Возможность экономсоциологических поворотов данной тематики может быть опровергнута или доказана в случае такой попытки. Ведь рынок, традиционно опекаемый экономистами всех мастей, мы уже забрали. На волне желаний «кооперации» и «сотрудничества» можно провести еще один маневр.

Литература

- Аболафия М.* Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 63–72.
- Аболафия М.* Как вырабатывается понимание экономического спада: интерпретативная теория хозяйственного действия // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 5. С. 55–73.
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Кнорр-Цетина К., Брюгер У.* Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 29–49.
- Немцов Б., Милов В.* Независимый экспертный доклад «Путин и «Газпром». М., 2008.
- Dixit A., Nalebuff B.* Thinking Strategically: The Competitive Edge in Business, Politics, and Everyday Life. N.Y.: W.W. Norton and Company, 1993.
- Reuschemeyer D., Evans P.* The state and economic transformation: toward an analysis of the conditions underlying effective intervention // Bringing the State Back In: New perspectives on the State as Institution and Social Actor / Ed. by P. Evans, D. Reuschemeyer, T. Skocpol. N.Y.: Cambridge University Press, 1985. P. 44–47.